

**Стихи с первых чердачных чтений.
Сборник**

Чердак

Женя ВОРТУШЕНКО

стр. 4-7

Диана КУЗЬМИН

стр. 8-16

Даня САВАЛХА

стр. 17-21

Петр ЛУЗГИН

стр. 22-26

Никита ГОТСКИЙ

стр. 27-29

Антоон КАРЕТНИКОВ

стр. 30-35

Амур ЖАСМИНОВ

стр. 36-45

Шуня

стр. 46-61

Мариша КОРШУНОВА

стр. 62-69

Миха Аницияр

стр. 70-73

Кали Югович

стр. 74-90

Женя Вортушенко

<https://t.me/vtorajassylka>

По ту сторону добра и зла
Истины и лжи
Неприкрытый Мануилом Лаў
Фюзис без личин.

На балконе из-за крыш и рам
Маленький костёр
Испускает к коллапсару А
Ленту из нуклон.

Оглянусь, и перестала ночь
Опыт заслонять,
Через уши мировой порог,
Будет умерщвлять.

Лихо, лихо пробивались,
Вереницею, визжа,
Черти, дьяволы, кошмары
Из сошедшего с ума

Иегумена Варнавы,
Убежавшего в пески
От икон, богов и стяга
К поселеньям Агари.

Козни крахки и Яфит,
Кельсия, семьи монаха
Объязычили сыны
Возвышенья и Ограды.

Свет луны и бог с рогами,
Камень космоса и пыль,
Слившись с демонов словами,

Возродили тьму пустынь.

Первый имени поэта

„Штандартенциркуль где, – спросили, – можно
взять?“,

А я не знаю, как же стоит дать ответ,
Ведь наше царство смыслов лет уж сорок пять
Не есть, срули лишь всё бояться выйти в свет.

„Эт в рейхсконцелярскую лавку
Нужда вас ведёт“, – говорила
Не просто коллега, а ффрау,
Она же Юговича чтילה,

В детве читала все хроники,
В нашем ДэКа возле Бутово.
Мы не считаем героями
Тех, кто травлёнными путами

Настолько замучал народы
Славянов, адыгов, вайнахов,
Что те и без пыток угрозы
Читают Кале телеграммы.

Его возмущению нету предела,
Крупье за столом распечатал картон,
Словес ост-славянских не хватит в общеньи,
Чтоб всё рассказать про жульё и глупцов.

Бунт игрока – как удар дефицента
Возглас покинул предел казино,
Фраза крылатая будет навечно,
Фёдор Двинятин: „А как же ципсо!?,“

Диана Кузьмин

<https://t.me/chitayostolop>

(КОНЦЕРТ М.)

Непонятные люди.

В зале слышен зловонный пот.

К сожалению, отсюда никто никуда не уйдет.

Здесь люди хотят пропасть

И в про́пасть забвения упасть.

Что-то мне подсказывает, что подобная рифма
уже была..

Ну и ладно.

Я уважаю людей,

Но все они по своему мерзки.

В душе хотят повеситься на острой леске,

Чтоб типа как самурай без головы

В небытие уйти.

Или как рыба повиснуть на крючке.

Вот ты сосёшься с каким-то парнем
На концерте, обдолбанные.
Как будто в конвульсиях трясутся,
От громкого звука кипятком ссутся.
Ведь нигде больше не могут они покричать.
Во всю глотку „хуй“ закричать
Без стыда.
Тебя не хотел отпускать папа,
Но ты снова сбегашь куда-то.
Как будто ища союзника.

Но они все полу пусты.
Пытаются заполнить пустоту своей спальни.
Занимаясь мерзкими вещами ,
Зарабатывая грязными делами.
И вы оба в соитии представляете других людей.
Потому что оба разбиты как множество
протухших дней,
Проведённых в онанизме ночей.

Не хочу писать умных речей.
Мои тексты стали слишком простыми,
Потому что сама простата пропитала.
Новый день не новая строка.
Я хочу застрелить уже не себя – это пошло.
Найти новую мишень не сложно.

Помню: крик, визг, мольба, вонь, вой.
Тяжёлый рок*, вперемешку с кислотой.
Это время моей страшной молодости,
Запомни, сынок.
Никогда не говори: „Подрастёшь поймёшь“,
Мой тебе урок.

(ЦВЕТЫ ЖИВУТ ДВАЖДЫ)

Не бойтесь дарить людям цветы.
Мёртвым, живым, это неважно.
Начнут вянуть так засуши,
Мимолётное счастье подарят дважды.

Они по своему бессмертны
Как и светлые дни,
Что остались в нашей жизни странной.
Не бойтесь дарить цветы,
Станут концом перепалки бранной.
Они одно из прекрасных пойми,
Что останется в нашей памяти.

Не бойтесь их принести просто так,
Не бойтесь возложить на могилу.
Ненароком попасть на мину.
Это же такой пустяк.

Заменяй сами пули на цветы,
Перестань носить нож в кармане.
Лучше носи эти прекрасные цветы,
В попытках растопить сердце менту или маме.

(ФЕВРАЛЬ)

Третий год пошёл как я ненавижу февраль.
Чернее становится на зубах эмаль.
Слышатся крики и лязг цепей.
Шёпотом слышно недоумение детей.
Из комнаты выйти с каждым днём всё страшней.
По телевизору программа вестей:
„Погиб человек за какие-то права людей..
Закреты магазины, не купить свечей.

И кто-то вдруг высунул из вазы цветы,
Растоптал их в страхе как и Надежды мои.
Я молча смотрю на него сквозь слезы,
А он просто стоит:
Там за окном уже везы,
Слышны мигалки.
Закрой скорей шторы,
Готовь в суд шпаргалки.

Не то чтобы страшно

Уже больше больно.

Остаётся чай с содой пить заупокойно.

Пульс города обычен как и всегда,

Лишь у немногих как у покойника.

Мы умрём за идею, это да..

Но какова будет наша цена?

А в красном замке готовят двойника

На смену нынешнего упыря.

Больше появится служивых в церквях,

Нам так не хватает света в сердцах.

Надеюсь ты нас не покинул, родной,

Бьюсь в кровь об икону головой.

Прошу, защити, сохрани со семьёй, молю!

Спаси и сохрани эту глупую страну!

(ЧТО ПРОИСХОДИТ?)

Судорожно бьётся в конвульсиях тело

Что лежит на холодном полу панельки

Кричать нельзя, оно несмело
Чудовище времени переводит стрелки
Ссутулившись, склонясь над телом человека
Скажет тихо, спокойно:
Не будет больше света.
В тусклом сиянии скачет ещё
И всё балаболит в ухо:
Вот было такое чудо
А помнишь как ты невзначай напился,
В пустоту браня
Всё окруженье своё без разбора?
А после жал руки с улыбкой, шутя...
Оркестр словесный играет, лампада горела
Судорожно бьётся в конвульсиях тело
Пытаясь подружиться с собою несмело

Звонкие шаги часов...
Как стрелы впившиеся в уши.
Забыл. Забыл мешок прекрасных слов,
Чтоб передать весть тон идущих.

Смотря на безобразный мир,
Сев за своё оружие,
С дрожащею рукой...
На бумагу... Чернил запас разлил.
И в тремор павший
Не вопил. Мычал.
Как раненный бык.
Как слабоумный.
Не раскрывая рта, качаясь.
В своём пристанище. В «дому».

Что происходит?
Что случилось?
Куда свернули не туда?
Шаги часов усились,
Перекрывали те слова.

Рука покрыта чернотой.
Свеча почти что догорела.
Кота бездыханное тело

С подружкой мухой говорит
„Что происходит? В чём всё дело?„.
Человек мычит.

Даня Савалха

<https://t.me/savalhaJR>

Всхлипывают веки
Потные уши
Былые потехи
Меркнет
На фоне желтого света
Охра мерно
Расползлась по комнате
Гостя
Непосильно жарит
Среди колких Морозов
Несправедливо тонет тело
В нагретом ложе
Небрежные надписи
и не слова на душе
Покрытой соляной коркой

Раз урок
Два урок
Потом прогулка
Чертог
Пить чай молочный
Обвояться теплом
Стараюсь быть нежным
на улке заснежено
Ну все маюш пакедово

сырость
Русский мороз -попойка
Тебя теплым пледом накрою
А ты словила белку и бледный
Ах тыж моя кокетка

А твоя хрущевка для меня как клетка
Клетка и вся планета
На языке со вчера терпко
Блекло бреду
В бреду набалагурил
Сын блудный
Земля ходит кругом

Рябь тлен
Бэм бэм
Лишь звуки из рта всходят
Плен , Сегодня не буйный
Глубь тишина увага
Школьная драка
Не видать
А в воздухе витает насилие
Сил нет дай с душ на поклон

Ведут на убой я не пречу
В глазах мошкара грезит

Йозя

У него не рожа а творожник
Румянец реет
Гроздится клёцками
Каждый фанфаронишка в кармане лилеет
Йозюшку

Автомобильный гул
Мерный ветер
Лицом не весел
Мысли свесил
Идет и бредит

Голова
Встречает слякоть
Из за угла
Ах жизнь проста
А жизнь легка
Я такая нежная и чуткая свинья

Зачем ты мечешь просаком
Зачем ты гредишь о простом
Зачем ты вешишься мальцом
Зачем ты бегаешь гонцом
Лишь слово бросишься трусцой
Броско в сито просо
Из подлобья взглядом косо
Грозно смотрит жопа с носом

Пётр Лузгин

https://t.me/luzga_pier

В канун

Поэт на унитазе смердит,
Песню свищет
Дилетантишка на пол стишка.
В коридорчике
Какой-то хуй скукожился в углу.
Мрачно ему.
Туфлями клацает, гарно вопит:
„Воды!
Воды подайте братцы!„
Ему бы в тепло, в уют,
Сиську помацать,
Побыть в раю
Смертному
Рабу.
Кухню интеллигенты заполонили.

Здесь – все сплетни мира

Их-него!

Кривоно-го-го!

Усладой текут,

Лепечут

Товарищи,

Оставим их давеча.

В гостиной бардак:

Так-сяк,

Цап царап,

Кромешный мрак...

Погасли свечи.

Дионис умер – мы его убили

Ничто не вечно.

Куда же деваться от мирских забот?

Скитаться взад – вперёд

Наутро

Виляя на своих двоих,

Или гулко

Вихрем средь бетонных нимф,
В такую же бездонную натуру
Родную,
Томно, под вечер
Отказала ли печень?
Нашёл себя в канаве?
Иль в Кришне?
Всё ли равно,
Было бы вино!

Увидел свою старость

Перебирал мелочь.
Живчик.
Желчь.
Стоял передо мной
Мой двойник
Седой, глухой.
Как вздымает рукой –

Так горловопит:

„Ах!

Дорогой!

Плачу изрядно на белом свете -

40 лет,

Бредит.

То к одному припадёт -

Долой уйдёт,

Дак к другому прижмёт-

-ца!

Цо-

-ко-

-туха во рту.

Я у него на примете:

Глаз наметил,

Взор обратил -

Ну-с, поедем!

„Слушай,

Совсем уж старый дурак,

Посмотри объем баклаг?„

Говорю:

„Литр, плюс двести пятьдесят..„

Глаз ряд

Мутят-

-ца,

Горят

Як победил солн-

-це!

И тут

Ка-а-ак завопят пять зубят!

„Это, как говорит-

-ца

Путинские килограммы,

Пиздюк!„

Ух, мама,

Ну даёт!

Вызвал испуг.

Никита Готский

<https://t.me/bznzvnj>

♦♦

лиц людей

Старых

людей

Проходящих мимо людей

Плакаты лиц сменяют друг друга

Лозунги глас их звучат

мешаются в шум

Протяжным лаем звучат вагоны метро

Печальная буффонада маленьких

их

Лиц выразительных простых

♦♦

товарищ полицейский
Подари мне пулемет на праздник
Чтоб я ходил как ты
По улицам столицы
В фуражке без погон
Без званий без имен
Подари мне маску
Чтоб не видел люд
Мой лик под ней
Товарищ полицейский
Подари мне факел
Инквизицией пройду
По улицам столицы
В маске с пулеметом
Без наружности своей
Теперь я клоп
Теперь как ты
И не нужен пулемет уж мне теперь

И маска не в размер

Антоон Каретников

<https://t.me/tgklitgruppi>

живя театром я бы выбрал систему
станиславского.

и вместо людских архетипов я бы менял
персонажей.

все подходили бы ко мне, говорили: "тош..."

а я склонял бы голову, или поднимал
подбородок, гордо или грустно отвечая: кто
такой тош? я вакх / альфонс / веничка!

со временем я бы начал ставить комедии
аристофана.

выдавал бы всем футболки, подмечал греческие
корни в русских словах, рассказывал

случайные эпизоды из истории античной
культуры.

если б я играл в театре мне было бы очень
плохо.

гуляя по широкой доске сцены до меня
доносился бы отчетливый шепот:

—убийец...—

или:

—о, горе мне!—

или что обычно звучит по ту сторону алого
занавеса? в бархате тьмы, в запахе дерева,
пыли, чужих ног.

если бы я играл в театре, мне было бы очень
плохо, напоминаю.

но это было бы не самое худшее плохо, клянусь!

и теперь, когда я не в театре — жизнь моя
полностью сломлена.

да только в театре она оказалась бы сломлена
вдвойне

Г. САПГИРУ

Вечером

Был в Лианозово:

Небо

Розовое
Козы
Пасутся у станции
Школьники
Бегают с ранцами.
Здесь —
Родилась Алина
Жизнь у людей —
Рутина
Иду:
Магазины
Дома
Опять магазины —
Логический круг.
Был в Лианозово
Я без Алины
Бывает
Вспомнит
Своих подруг
— Лиана, Арина... —

— Гошан!
Вызови
Такси нам, —
Слышу
Голос Тимура.
Отравился
Никотином
После перекура
«Придурок. Скотина», —
Говорю я
Себе.
Каша —
На завтрак
Бульон —
На обед.
Вечером
Чувство
Будто избили
Сумрачный лес
Не развеет

Вергилий.
Не удержать
Этих мыслей
Голых —
Зачем им
Бог?
У них есть
Молох.
Лучи. Берег. Алина.
Отравление
Никотином
Моя голова —
Господин гексоген
Еще только миг —
Попаду в Карфаген
Сонно Тимур
Стоит у дивана
Славно что утром
Никаких планов
Годы тянулись

Трубами с газом
Вот бы вселенная
Схлопнулась разом
Лучше б я стал
Культурным банкиром
Может быть — Майринком
(Может — Салгиром).

№2

Калием африканских гор
меня, Господи, отрави,
чтобы пряный душистый кагор
тек во мне вместо крови.

Чтобы грохнулся я плашмя
в колыбельность вязкого навоза —
Господи, как термиты глодают мя
о шафрановой Африке грезы

Амур Жасминов

<https://t.me/amurzhasminov>

посылка на грядущий вечер

в вечернем пальте
цвета формы жандарма,
с медной пулей в дырявой мозге,
на голове сплетенная из звезд панама.
по ветру и сугробу
направляюсь на почту.
за посылкой подарочной,
за письмом из далеких регионов страны
за открыткой каких-нибудь там
пейзажей стальных.
как дойду, так раскрою,
посмотрю,
расскажу вам, что там
за посылка такая

меня ожидает

в легких тапочках по глади неба,
в громких ботинках по коридору,
как на расстрел бежали, еще с детства,
как на праздник ковыляли, опираясь на
тростку.

сожрали этику. запили вином
и языком перебежками
по ножке с уже снятым чулком,
потом цветками терпкими,
вянуть ничком,
и вроде даже
ничего.
ничего,
уже вышел из подъезда под свод

бесконечной смерти. вкушать плод
извечного терпения.

таков был мой долгий день,
где-то за сценой, в театре теней

поэт Губанов получил бутылкой по башке,
моя шея погрязла в клетчатом шарфе,
и ночь снова катит меня по пизде,
полежу на матрасе, как убитый Каддафи.
пускай мне оконца сыграют на арфе,
и пускай постель

накроет облаками.

мне жаль,
но сегодня
все коты

во дворе
завели хоровод
и протяжно заплакали

утро в снежном Каире

1

небо еще не прогрузилось,
лишь просвет солнца сквозь сгустки пустоты,
"выровнял бы кто грузилом"
подумал тогда, кажется.
от тошноты уже трясётся кадык.

2

слева от меня марширует похмельный Басир,
под нашей подошвой — снежный Каир,
домино зданий возвышаются
как пирамиды,
ещё чуть-чуть и мы, может, дойдем
до замерзшего Нила.

фараонова карета гонит по шоссе,
озаряя мигалками наши лица,
таково было первое солнце на наш утренний
век,
нежный, как вельвет,
глухой, как покинутая гробница

работал в доме быта

работал в доме быта
зарплата: двести рублей в час
на горизонте всплывала жизнь сытая
спелая, как желтый ананас.

рабочий персонал — сойдет:
андрей — нормальный в целом парень
денис — молчит, уже седой, воняет куревом

ксюша —
дама
прескушная
остальных имен не припомню.

работал в доме быта,
стоял у станка, штамповал,
рабочие будни — корыто
с огненной мыльной водицей.
кирпичная усталь сражает наповал.

за прогулом прогул
зарплату как ветром сдуло
расточительный бес усмехался,
наставив на меня пистольное дуло,
а на горизонте всплывала жизнь прежняя,
на берегу — увольнение,
сладкое, как желтый ананас
на прилавке в пустой бакалее

весною рассвет

“весною рассвет”

— так писала Сэй Сёнагон в своей книге
со мною товарищ велосипед,
мы покатали куда-то по тротуарной воде
к тёплому кружку
на нарисованном добрым ребенком небе.

пускай одни, зато вместе
неуклюже, как раненные в ногу дети,
тонущие в свете
на койке в лазарете,
где деньки очерчены мелом,
а за клеткой-окном...

весна

— это лоснящееся женское тело,
весна — это рабочий, свободный от смены,

весна — это японский шкафчик в стенке
весна — это как в детстве
играть в прятки с самим собой,
прятаться за деревом и пинать каштаны.

— «весною рассвет»
— действительно, рассвет
поддакивает товарищ велосипед

стоический чайник

ледяной цветок зимы увядает,
прохладными вечерами
ненавязчиво согревает
мой стоический чайник,
наполненный зеленым пламенем чая.
мне сегодня приснилось,
будто призрак Мисимы,
стянув маску со мною сделал глоток,

мне вчера ничего не приснилось:
сон был крепкий, как контуженный гвоздь,
в стенку забитый стальным молотком.

мой стоический чайник
стоит на подоконнике,
и точно пузом кошачьим меня пригревает.
мой стоический чайник
играючи светится,
будто в нем тайно припрятано
мое личное маленькое
чистое солнце

спасибо, малыш

спасибо,

малыш,

за твой спелый камыш,
за кипяточье глазенки,

в которых можно варить зеленый чай.

я выращиваю рис
где-то в поле твоего тела,
поливаю его нежно и бережно,
отдыхаю вниз анфасом у влажного берега.

пока не пойдет, не брызнет
грибной дождь,
пока не взойдет, не трахнет
землетрясение.

спасибо,

малыш.

Шуня

<https://t.me/tgklitgruppi>

мне не обидно:
тебя просто рядом
не будет.

последняя книга.

возможно,
последние люди,

которых оближет твой фокус,
на которых
запрыгнет твой взгляд.

последний билет на автобус,
шум мотора,
короткое „взять„

от соседа, мужчины без личности,
запустившего кость
лабрадору,

возможно, последнему в жизни
псу. он последний, причём,
для обоих.

за пределами взора
замёрзнет
каток,

будут гаснуть
рекламные вывески

магазинов. дорога
крошиться,
как торт

„балтийский“.

последние были все

сказаны клятвы,

сообщения

удалены,

безвозвратно „исправлена“ память,

мысли помяты.

надоевшее

чувство вины,

поседевшее слово „исправить“.

что за обувь, какое из платьев

будут выбраны

лично тобой,

когда диалог в телеграмме

станет ниже,
чем кнопка „домой“.

сколько времени выдержит сон,
из прощелин
и трещин
в котором,

будут сыпаться цепи из слов,
станут прыгать
в пустых коридорах?

без принадлежности,

из покорности.

укротить своё бешенство

ты попросишь их.

через время в руке самокрутка
догорит,
и рабочий в тени

похоронит последний окурок.
он успеет домой к десяти.

по дороге увидит ребёнка,
что от веса портфеля
сутулится,

увлеченный экраном смартфона.
где-то близко, на этой же
улице

ты сказала мне: „смерть – ерунда,
по сравнению
с тем же забвением„

какой шанс уже будет последним?

они все уже были
последними.

•1•

Утро в Москве
Потеплее,
Чем железный турник.
Светом забит
Ленинградский вокзал.
„Я вчера от белуги дристал“,
Лысый мужик
Мне тоскливо промямлил,
Солнце метко но плавно
Отсекало прошедшую ночь,
А за ней уже
Новые люди и грабли.
„Не могу вам помочь“

В мужика отхаркнул,
„Мне оно и не надо“,
До меня долетело.
Электричка несёт
До Нахабино
Торопливых и сонных людей
Под фантомные звуки
Коллизии шпал и колёс
И в надежде забыться
Открываю Довлатова,
Ассорти проезжая
Из дубов и берёз.

•2•

Тупое, настырное солнце;
Андрей меня учит
Как варить медовуху;
Манчкин на кухне:
На Катю напал

Ощипанный бройлер.
„If you are lonely,
You can talk to me„ -
Полупрозрачный Максим
Мне нашептывал
Голосами великих
Ливерпульских героев.
„Жду твоих песен„ -
Сквозь большую улыбку
Тимур процедил
(Их напишет другой,
Уже лучший Максим)
Мне приснилась жена
Евгения,
Порицала слова про турник.
Электричка, до ужаса верная данному времени,
Впитав поколения,
Сбивая колени
(Людей и свои),
Я надеюсь,

Ползёт в тупик.

•3•

Ночь гулко
Шепчется эхами бесов
(Моими и кошки);
В полудрёме молюсь.
К. отменила прогулку:
В цифровое письмо помещаю
Заблуренный почерк,
На губах заискрилась вопящая грусть.
Одиночество занимается
Самосожжением,
Но эмпатия тушит,
Заставляет прожить
Абсолютно любую мысль о женщине;
о любви;
о душе;
любую мысль вообще.

Безучастная склейка,
В этот раз моё тело сидит в Гараже –
Это снова затея
Подобрать для себя
Интересный сюжет.
Отключаюсь на время,
Моё тело волочат в железном черве.
Просыпаюсь в таверне,
Скумбрия,
Водка,
Кофейный ликёр
И куриные крылья
Устроили бунт
В моем животе.
Закатное солнце
Под шум вентилятора
Оголяет для ночи мой временный кров.
И внутренний компас,
Размагниченный страхами,
Намекает, что завтра наступит любовь.

От столичного солнца
Бликующий страшно
Вокзальный перрон.
Стыдливо,
Как заяц
С поломанной лапкой,
Пробираюсь
В четвертый вагон.
Пропускаю от солнца удар,
(Не смог увернуться)
Как доказательство
Правильности
Выбранного пути.
К. редко пишет
Замечательный ливень,
Как сувенир с Петербурга.
Прячусь под крышей.
К. маякнула, что надо идти.

Я бегу с ней по лужам,
Изучаю её
Платье и плечи.
Через время мы дома:
Отец К. предлагает
Мне рюмочку рома –
Уют и принятие мне обеспечены.
Мы сидим на кровати.
Я в меру смущаюсь,
Начинаю услезживать некие
Сдвиги:
Мои руки не чешутся,
Мои пальцы не тянутся
К телефону;
Заметкам;
Наушникам;
Книге.
Мои ноги не портят
Покрытие пола,
Не пытаются смыться.

Мои голые пятки
Не щупают грабли.
Там, за окном,
Спутник мой ливень
О черепицу
Разбивает последние
Июльские капли.

•5•

Сонное утро
В гостях у прекрасной К.
Страшный сон
В кабинете её родителя.
Я подумал про своего –
Надо ему позвонить,
Он старый и грустный,
Он житель такого же Питера.
Подъезжает автобус
И веснушки её

Как карта,
Которую надо запомнить,
Если вдруг захочу
Посмотреть на закат;
Пережить этот ливень;
Не остаться бездомным.
Святые Катя с Андреем
Ангелы-хранители
Снарядили в поход.
Я люблю их чуть больше,
Чем детей своих любят родители.
Чем меня любит
Бог.
Пьяное тело,
Ведомое благословенными
Яндекс Картами,
Бежит до вокзала,
Слёзы роняет.
На койке в вагоне
Мне снится: перрон,

Я стою там один
(Голый,
Но с паспортом)
И знаю – мой поезд
Скоро объявят.

НОКИЯ

в общем и целом
мне нравится быть тупым
на мне вожжи и цепи
обратный конец другим
толпе, дорогой арине,
или может простой дворняге
мне сказали, что нас веками
через кровь и застой рабами
так отчаянно делал кто-то
но я верю, народ не стадо
и пишу в документе ворда

„не рабы“, но смиренно надо
дописать – а вот я быть рад
раболепным рабом тиктока,
резонтировать в каждый такт,
только если мне скажет кто-то:
что надеть, на кого полаять
что не есть и когда прогулка
кто не прав и какую палку
мне в зубах принести под утро
доверять научиться – больно
прямо так, чтобы сердце мигом
по орбите могло угольно
описать обоюдный символ
прямо как у олдовых нокий
две ладошки: без рук, без тел
её пальцы сказали снова:
доверял, ибо так хотел

Мариша Коршунова

<https://t.me/skorshunsss>

«Матросы плавать не умеют», – проговорила наша корабельная смотрительница вслед, когда я выпала за борт громадного чёрного слона. Талассофобия. Было страшно. Внутри. Снаружи тело моё источало квинетизм и созерцало существо грузного корабля.

Грязно-серые с синим волны опали на море траурным дождём – слон совершил оборот в 360 градусов. Я не знаю, как не выпали с палубы остальные смотрящие.

До того, как попасть на корабль, я убила костяк выходцев из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. Их послали ликвидировать тайное общество садистов извращенцев, повязанных на больном сексе. Грязные люди. Мёртвые из отряда лежали так, будто всегда были на кухне моей подруги. Шишки, созревшие и упавшие на землю под ёлками. Сначала на первом этаже подъезда был бордель, теперь пришли клановцы, и тех убили.

После убийства гостей столицы я долго думала, как скрыть следы. Состояние было подвешенное, хотелось просто уйти и не иметь никаких отношений к этому массовому разрезу. Осоветить и забыть. Но делать что-то надо было. Сжечь квартиру. Дом будет в опасности. Но вокруг так много горелых квартир...в других домах, на других этажах...может и незаметно будет.

Снобизм никогда не красил человека, так что я имела наглость сбежать на корабль. И вот момент.

В бесконечной секунде, пока моя тушка покорно летела в необъятную воду, я думала. Хотя на самом деле прямо там казалось, что мыслей нет, только потом, пережив, нахлынуло. Моя воля. Убить. Но это же была самооборона? Не помню.

Помню маму, которая оттринула от меня с раскинутыми руками. Отступила от меня после объятия. Мама. Спinoй шла в свет.

Однажды ты проснёшься, потянешься, сходишь в туалет, почишишь зубы, быстро закинешь что-то вроде еды и пойдешь по делам. А потом обнаружишь, что ни раз за день не вспомнил о произошедшем. Тогда и можно будет забыть.

«Матросы плавать не умеют». Особенно в шоке. Ты не умеешь больше ничего. Всё твоё умение ограничивается лишь тусклым, тугим, еле

различным думаньем. Думать важно, важно делать. Пока в жизнь не притворено – не было. Не сделаешь сейчас что-то для будущего – будущего и не случится. Оно, к сожалению, ткётся из дел настоящего, не из мыслей.

Вот и живи теперь воспоминанием, как он трогал тебя незаметно при всех за живот. Светило солнце. Тепло. Или как она, смеясь, целовала тебя под музыку, смазывая вашу помаду. А вот это уже был сон.

Разве тебя не пугает то, что ты учишь в поликлинике?

Что ты такого сделал в жизни, что даже тут тебя схватили?

Вспоминая ворох предыдущих деяний ты и сам удивляешься как ещё не поймали, но все же, возвращаясь на землю, торкает, что и слава богам.

Давайте не будем поднимать комья прошлого, не покрывшиеся слоями пыли и не лежащие гробами, но с пылью уже перемешанные.

Зная тебя ты обязан питать в каждом гипермаркете, в каждом гастрономе, в каждой поликлинике до истомы в горле тебе должно нравится, но ты должен бояться.

Вдруг именно в этот раз твои шаловливые руки вновь что-то одолжили?

Именно в этот раз они совершенно неумело вещь в карман положили?

Хотя ты давно уже таким не промышляешь, но они отдельно живут, их не смущает, ты сам знаешь.

Быть примерным гражданином, правильным..

Возьми медальку! так и должен жить каждый.

Так как же так вышло, что тебе, такому необычному, тяжело смотреть в глаза чекам?

ЧурындАра ЧурындАра
Чур Чурында
Чуранда

казалось бы
не обращай вниманЬя
свои найдутся так и быть

но мне же хочется людей
что делать
и в какую реку плыть
войдя желательно не дважды

Ничего

Ни толики ума, ни байта размышлений

Ни крополя шутейки, ни ху я совсем

ОНЕМ

|

О нет!

сыпь на груди!опять!

изъять

убить

отрезать

расчесать

лечь, измотавши тело и душу бессмысленным
душем, после которого нет чистоты

грязная лечь не смОгу, опасно,

уснуть, умереть.

||

В предсмертном состоянии раздираешь.
буквально. глаза.

как-то отсмаркиваешься,

отплевываешься,

баллончик ищешь в припадке.

ползешь по паркету из пыли, открываешь окно.

твои спина и бедра в кровь и ты стоишь нагой и
не дай бог.

чтоб тела твоего.

коснулась нитка.

идешь, умываешься в полумертвом состоянии
в нем же как-то смываешь с себя водой кровь
вновь ноги и жопу трешь ладонями
и чтобы ты там не начесал, всё ты сожжешь
кипятком.

потом надо найти чистую одежду.

А душа уже стонет: "Отрежьте!"

искупаться в креме и запить всё это литром
невкусной кипяченой. твой ффуршет.

одеться. аккуратно. и понять, что тебе спасу
нет

Какие вы все концептуальные блять

Миха Аницияр

<https://t.me/slavicbazar>

В резолюции находя покой мы удивляемся
скоропостижной смерти близкой нашей крови.

И диковаты, безобидны наши мольбы о мирном
бытие в сем жизни шаре посреди, как думаем,
пустынь.

О девы, красны ваши бледны руки! Я жажду их
на теле возжелать. Вы обхватив меня тяните на
покой глубинный в большой кладбищный океан,
где я когда то был.

Но будет он не вечен.

Вещают людям в французских строгих
пиджаках о мире свиньи в безжизненных домах
на территории, которую деньгами считать
стали. Они вещают нам о замкнутом мире, о
вольном царствии у нас и тяжком рабстве за
бугром границ, которые копытом грязным
рисовали. Под дождь стирается их грань рисуя
новый мир для жителей сего лжегосударства. И
вольно станет наш народ дышать на землях, где
нет господ и государей, босо стоящих на
могилах подданствах земли, которой цену
называли. И я вернусь на это землю снова, как

в прошлом веке был и жажду быть. Но цикл сей
непоправим, вот государя царь заменит, а мое
тело – нежное, иное, в котором разум будет
мой.

Закат.

Он говорил о мире в мире душ.

Толпа.

Он клялся о дорогах в городах.

Тоска.

Он обещал о узах громогласно.

Запал.

На черноземных полях

Сажали кукурузу.

Десяток лет назад

Засаживали души.

На острове холостые

Вырастили пули.
Когда закончилась вода
Завяли узы.

Катафалк везёт трамвай
Вдогонку едет гробик детский
Рождённый в истории большой

На просторах ямок много,
Туда и едет катафалк
Над свежей землею надпись:
Закат
Толпа
Тоска
Запал.
И надписей таких орда.

А около простора он стоял
И встрепенувшись он сказал:
О мире в мире душ

Дорогах в городах

Закончив громогласно клятвой уза.

Кали Югович

<https://t.me/basasjosko>

Решимость стального фашистского сердца,
В кармане набор из кинжала и перца,
Ты выстриг в ноль голову и натянул берцы,
Мир стал чёрно-белым — убей иноверца

Район твой пропах терпким вкусом насвая,
Тюркских воителей волчьих стаи
Тебя не пугают — всем им конец,
Ты — белый солдат, ты — гвардейский стрелец

Белое Бутово вызывает на помощь,
Ты видишь — ты мочишь нерусскую сволочь,
Древний клич расы в безмолвной ночи
К оружию манит — иди и смотри!

Напротив панельки стена Синагоги —
Что скажут на это славянские боги?
Кипящая ненависть отдаёт в ноги —
Помогут канистра и сенные стоги,
Помогут решимость и Майнκάмпфа строки,
Помогут в ружьё заряженные дробы,
Помогут инструкций подпольные тропы,
Террор — оружие мизантропа

Возглас хрипучий метрополитена
Вагоны плывут по исколотым венам,
Тебя направляют цветастые схемы,
Рюкзак проверяют — считают кладменом.

Ты едешь на юг — картина тревожна,
За МКАД ползут станции-сороконожки,
Столичная гидра, как старая кошка,

Уходит, гниёт у чужого окошка.

Конечная станция — нужный автобус,
В глазах у кондуктора светится топаз,
Вместо Луны виден Деймос и Фобос,
Под краской икон — адописанный образ

Ты слышишь знакомый мотив лакримозы,
В глазах пассажиров оттенки угрозы,
Ты — грешник из русской классической прозы,
В голове застывают нелепые позы,
Сошлись воедино людишки и козы,
Видения дьявола, как под наркозом.
Перерождение — круги из навоза,
В затупленном шприце —
Московская доза.

Я еду по синей ветке,
Пахнет горелым,
На улице снег,
В кармане лежат салфетки,
Конфетки с шалфеем,
Купленный в Питере оберег

Напротив сидит азиат,
Кочевник из степи,
Кожей слегка смугловат,
Метаются тени
В узком разрезе глаз,
Его грозная сабля
Помнит кровавый экстаз,
И помнит тёплые капли
В минуты покоя,
Летающие из-под копыт,
У журчащего водопоя

Его конницы след забыт.

Воздержанец

Я неуклюже перешагиваю свежие сугробы, высокие сапоги вливаются в слякоть, выжигают на ней грубый узор подошвы. Я представляю, что мои ноги — это два затвора ружья-карабина или что-то вроде гидравлического пресса. До пятого корпуса остаётся триста метров. Я перехожу дорогу. Ещё одна гильза, ещё одна смятая банка — глухой хруст снега. Начинался день номер семь.

— Ты не правильно поставил ударение в слове «мытарство».

— Наверное. А что это такое?

— Ну... У некоторых людей жизнь обычная.
А у некоторых — сплошное мытарство...

— Понятно.

Небольшая кухня была залита жёлтым светом. За окном падал снег. Снежинки-камикадзе ударялись об асфальт и растворялись. Ненадолго у бордюров образовывались пушистые дорожки небесного кокса. Приближался декабрь.

В бессмысленности моего вызова к себе меня убеждал Саша н., потягивая красивый и увесистый подик. На полупрозрачном резервуаре для жижи было изображено античное бородатое лицо. Я предлагал ему заключить спор, поставил након три

своих рассказа, от которых он отмахнулся. Потому порешили на двух тысячах деревянных.

Я вдохнул в себя облако электронного дыма напоследок. Мне предстояли долгие тридцать дней.

В то время я работал курьером. Влажный и нерешительный асфальт, любезно посыпанный солью, быстро сменился толстым снежным слоем. По выходным я ехал к белорусской, где-то в десять утра стоял у полупустынного вокзала. Где-то за красивым фасадом ждут пассажиров пригородные поезда. Одни до Лобни, другие — до Одинцово.

В середине дня мне нужно было довести банановый сок и горсть конфет до хосписа. Вероятнее всего, я везу их умирающему. Я вспоминал историю о своём деде, работавшем сварщиком и умершем от онкологии. Перед тем как уйти, где-то в январе ему захотелось спелых слив. Отец рассказывал, как его брат Виталик чудом раздобыл их. Дед был доволен.

А кому-то хочется бананового сока.

Хоспис затерялся во дворах на Менделеевской, среди длинных арок, ведущих в никуда, отгороженный от вечной мерзлоты металлическим забором.

Я бродил по сугробам, морозил руки, которые вынимал из перчаток, чтобы свериться с барахлящим навигатором. Маяком для меня служили одинокие фонарные столбы. В этом я постигал Россию. Сколько ещё курьеров, таджиков и узбеков, познавали её, как и я, познавали глубже и дальше, до бескрайних полей сюрреализма? И скольким из них не позволит писать об этом собственная национальная гордость, мелькающая на горизонте среднеазиатская родина?

Я тоже хотел бы писать о древней Черкесии, о далёком чеченском Симсире.

Мимо проезжает автобус. Не мой. Перед глазами мелькает кавказская Албания.

Подъезжает ещё один. Набитый людьми салон выталкивает меня обратно, на промерзшую остановку.

Я думаю о меотах. О забытых и холодных княжеских курганах. О героях, чьи лица отпечатаны в далёких скалах южной Кубани. Их имена забыты, память о них пробуждают брошенные не к месту, случайные слова и заклинания. Холод напоминает о теплом и узком метрополитене.

Проезжает третий автобус.

Четвертый.

Пятый.

Вне работы я ссорился с уборщицами в универмагах, с попрошайками у центральных станций подземки. Я кусал губы, вместо

сигаретного фильтра, в бессильной злобе. Проходил десятый день, пятнадцатый. Бегать становилось легче, лёгкие раскрывались непривычно, и до боли широко от глубоких вдохов. Морозный воздух оседал на их обожженных табаком стенках. Мне казалось, что я высадился на другой планете, что делаю робкие шаги по лунной поверхности. Наверное, Нилу Армстронгу тоже мерещилось, что он проспал дольше, чем нужно, и вышел на крайней остановке у спального района в умеренно-снежный вечер.

Мне снились яркие и приятные сны. Но всё хорошее когда-то заканчивается. Иногда по нашей собственной воле.

Я открыл глаза, потянулся, покряхтел. Шестичасовой сон ощущался в два раза короче, был похож на тот храпак, в который впадаешь часа в четыре дня, после учёбы, и просыпаешься

в семь вечера, липкий и потный настолько, что долго не решаешься пошевелиться из-за мерзкого ощущения пропитанной влагой одежды, скребущейся по коже. В комнате включён свет, он ещё вступает в контраст с улицей за окном. Нащупываю телефон на полке сверху и смотрю время: младший брат уже заходит в класс на второй урок. В прихожей не слышно шороха — это значит, что мать только что ушла на работу. Начинался двадцать восьмой день.

В течении следующего часа я предоставлен самому себе. Квартира поделена мной и двумя котами, мирно спящими сейчас в соседней комнате. По всей голове ещё ощущается плевков верблюда, но времени смыть это безобразие душем у меня нет. После недельного отсутствия опаздывать было бы дурным тоном, даже со справкой от врача. Перекусив вареными яйцами и приведя в порядок зубы, я выхожу на улицу, одетый слоями, как лук.

— Знаешь, я часто каверкаю фразеологизмы. И если не каверкаю, то хотя бы смысл их частично от меня ускользает.

В ответ последовало яростное и, почему-то, недоуменное «Да», расценивать которое никогда нельзя было однозначно. Маленькая особенность моего чеченского друга.

— Например слово «лук». Я про то, которое обозначает стиль одежды, образ. Так вот, оно же происходит от английского «look». А я всегда думал, что это буквально лук. И человек, как бы, вешает на себя слои одежды, как слои лука.

Мой чеченский друг остановился, выпучил глаза и слегка склонился к земле, подогнув ноги под длинным платьем, будто сейчас упадет. Самый разнос всегда был, когда в таком положении он начинал крутиться на месте, или бегать из стороны в сторону.

— Разве не так?..

Так вот бя, действительно не лук.

Тогда стоял, кажется, поздний октябрь. На улице ещё держалось стабильно десять градусов тепла, и я был одет в свою любимую кожанку, раздобытую прошлой зимой. Теперь же, в середине декабря, поднявшаяся до нуля температура медленно жарила меня под двумя кофтами и толстой курткой. Снег с прошлой недели таял, под ним оживал свирепый гололёд, на котором я пару раз подскользнулся по дороге на учёбу.

Неделю до этого я лежал дома, сопливил и кашлял. Навестивший меня пару раз Саша н., увидев, как из моего носа вылезла очередная сжиженная козявка, рассмеялся и сказал, что я сквиртанул носом.

Во время, свободное от Сашиного присутствия, я сидел за компьютером. Привычка сутулиться заставляла спину болеть, задница,

расположившаяся на старом деревянном стуле, обрела привычку затекать до копчика. А на экране мелькали яркие образы виртуальной жизни: я играл во второй Дум. В первый тоже играл, но в нём нет двустволки, и меня это расстраивало. Расстраивает до сих пор.

Я вспоминал, как мой дядя учил меня на старом ноутбуке двигаться стрелочками и стрелять на кнопку Cntrl. Вспоминал, как просиживал дни напролет в песочнице Garry's Mod, классе в восьмом, во времена карантина. Странное время, моя личная интернет-эпоха. Наверное, если бы я провёл дома восемь дней, вместо семи, то переоткрыл бы в неё проход. До этого я блуждал в лабиринте, где-то совсем неподалёку. Но всё кончилось. Теперь я снова в мире открытых пространств, в королевстве невидимых московских великанов.

Я перешёл порог второго корпуса, минут за десять до начала пары. Будто в первый раз. Как бы впервые я встретил А.С. Мы сели вместе, за полтора часа, от сдавленного желания разразиться смехом, мой лоб покрылся влагой. Если бы я потел спиртом, то превратился бы в огромный коктейль Молотова. Лук Молотова.

Так шёл двадцать восьмой день.

После четвёртой пары к нам подошёл Саша н. Двое стояли и курили во дворике с нерабочим фонтаном, посылая друг-друга нахуй. Но я не курил. Двадцать семь дней уже позади, и оставшиеся три тянулись вечность. Уже стемнело. Мы навернули круг по периметру универа, перед тем, как А.С. неожиданно и эффектно растворилась за дверьми в корпус. Она попрощалась, не оборачиваясь, будто и не попрощалась вовсе. Край чёрной юбки

проскользнул в полуоткрытую дверь. Саша покрутил у виска.

— Ебанутая.

А мне показалось, что они неплохо поладили.

Ощущалось умиротворение.

На двадцать девятый день я, кажется, проспал что-то важное. Или, быть может, отравился. Теперь мне уже сложно сказать наверняка. Я пришёл на вторую пару, и надо мной долго смеялись математик с историком. Что поделать. По старой привычке я вышел на обед во двор через дорогу. Но не курил. Встал в сторонку, наблюдая за дымящимися у мусорки друзьями.

Так было в двадцать восьмой день. Также было, наверное, в двадцать первый и в шестнадцатый.

Вечером тридцатого дня я вышел на Пушкинской. Уже стемнело. Знакомая табачка манила меня огнями, я зашёл и попросил ванильный Чапман. Молодая девушка, блондинка, предлагала мне очередную пластмассовую новинку.

— Нет, электронки мне не подойдут. У меня завтра важное событие.

— Какое? Свадьба?

Густобровый лысый парень за кассой улыбнулся, устало потирая подбородок. Я видел его много раз до этого, Давным-давно. Саша н. всегда здоровался с ним за руку.

— Нет. Видите ли, у меня перфоманс...

